

С. М. ГРОМБАХ

ПРИМЕЧАНИЯ ПУШКИНА К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

Авторские примечания к «Евгению Онегину» мало привлекали внимание исследователей. Некоторые из примечаний часто упоминаются и даже цитируются, но все они в целом, в их совокупности, не анализировались. Лишь в одной из своих ранних работ В. Б. Шкловский утверждал, что «вообще пушкинские примечания к „Евгению Онегину“ пародийны»¹. Но отнести это утверждение ко всем примечаниям никак нельзя. Оставили примечания Пушкина без внимания и комментаторы «Евгения Онегина» А. Вольский, Н. Бродский, Д. Чижевский, В. Набоков. Последний, снабдив свой перевод «Онегина» на английский язык двумя томами комментариев, останавливается и на некоторых примечаниях Пушкина, но в целом не нашел для них других слов, как только «они не имеют композиционного значения. Их выбор случаен, их содержание чаще всего нелепо»².

Лишь недавно сделана попытка рассмотреть пушкинские примечания к «Онегину» в целом, выяснить их функцию, их соотношение с текстом романа и дать их классификацию³. Но и в этой статье примечания Пушкина рассмотрены недостаточно полно.

Между тем сам Пушкин придавал им немалое значение; намечая план полного издания «Онегина», он специально обозначил как существенный элемент его структуры примечания.

Примечания к «Онегину» отличаются от всех ранее примененных Пушкиным. Так, примечания к «Кавказскому пленнику» в подавляющем большинстве обладают чисто разъяснительным назначением; примечания к «Подражаниям Корану», к «Андрею Шенье», к «Полтаве» напоминают примечания к научному труду — документы, исторические факты, ссылки на источники. Личность автора в них совершенно не проявляется. Примечания же к «Онегину» несут в себе явный отпечаток личности и взглядов поэта. Заслуживает внимания и подбор примечаний. Он как будто произволен, не соответствует степени распространенности сопровождаемых им слов и возможной осведомленности читателей.

Создается впечатление, что Пушкин своими примечаниями не только что-то разъясняет читателю, но и преследует иную цель.

Прежде чем приступить к анализу примечаний к «Евгению Онегину», рассмотрим вкратце историю их создания.

Они возникли не сразу. Беловая рукопись первой главы (Одесса, 1823) примечаний еще не содержит. Черновики 10 из них вместе с черно-

¹ Шкловский В. Пушкин и Стерн. — В сб. Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923, стр. 216.

² Eugene Onegin. A Novel in Verses by Aleksandr Pushkin. Translated from the Russian with a Commentary by Vladimir Nabokov. In four volumes. N. Y., 1964, vol. 3, p. 252.

³ Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина». — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 434. Псков, 1970, стр. 20—33.

виком предисловия к первой главе появляются в рабочей тетради Пушкина среди черновиков «Цыган» и XXXII—XXXIV строф третьей главы «Онегина» (ПД № 835, лл. 11—11 об.). Затем между строфами четвертой главы записан черновик 11-го примечания.

Все эти 11 примечаний созданы не позже октября 1824 г. и появились в печати при первом (1825) и затем при втором издании (1829) первой главы.

Главы со второй по шестую вышли в свет без примечаний, седьмая — уже при первой публикации (1830) имела примечания; восьмая была напечатана (1832) без примечаний.

Готовя полное издание романа, Пушкин решил придать примечания ко всем главам. И попеременно с предполагаемыми исправлениями отдельных слов и строк Пушкин наметил или полностью записал примечания, которые собирался добавить (ПД № 172).

Эта запись относится, по-видимому, к 1831 г. Она не вполне совпадает с печатным текстом полного издания романа. Некоторые бывшие в черновике примечания в текст не попали, некоторых же из имеющихся в печатном тексте нет в черновике. Эти последние возникли, очевидно, уже перед сдачей рукописи в печать — в 1832 или в самом начале 1833 г.

Следовательно, примечания к «Евгению Онегину» создавались в 1824 (примечания к первой главе) и в 1830—1832 гг. Таким образом, перед нами как бы два хронологических пласта. Годы, пролегли между ними, были богаты событиями как для всей России, так и для Пушкина. Это не могло не сказаться на творческой истории «Евгения Онегина» и на характере примечаний к нему. Поэтому первоначальные примечания к первой главе («первый пласт») должны быть рассмотрены отдельно.

Первая глава «Евгения Онегина», пожалуй, в еще большей степени, чем все последующие, несет на себе яркий отпечаток личности автора.

«Дьявольская разница», которая, по словам Пушкина, отличает роман в стихах от обычного романа, заключается, в частности, в пронизывающих его лирических отступлениях, создающих ощущение присутствия автора, его поступков, его чувств и мыслей. Эта особенность, четко выраженная в тексте первой главы, еще усиливается примечаниями, в большинстве которых так же ярко проступает личность автора.

В этом в известной степени сказалось влияние Байрона. В авторских примечаниях к «Чайльд-Гарольду», к «Дон-Жуану» довольно часто встречается слово «я». Пушкин ни разу не употребил в примечаниях слово «я». Тем не менее большинство из них так или иначе привлекает внимание читателя к автору, к его мыслям и обстоятельствам его жизни.

Немалая часть примечаний сопровождает строки, в которых упоминается автор — «Вреден север для меня», «Брожу над морем», «Под небом Африки моей», «Заглядывал я встарь в Академический словарь». Из примечаний читатель узнавал, что «автор со стороны матери происхождения африканского», что он скитался по югу («Писано в Бессарабии», «Писано в Одессе»).

В одном из примечаний (5-м) автор, оспаривая оценку Онегиным балетов Дидло, упоминает, что «один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, чем во всей французской литературе». В черновике загадочный «романтический писатель» назван: «Сам Пушкин говаривал», «А. П. находит». Иначе говоря, личность автора должна была проступить еще более четко.

В другом примечании (6-м) автор вступает за своего героя, защищает его от обвинения в легкомыслии. Смысл этого примечания не столько в ссылке на источник — цитате из «Исповеди» Руссо, сколько в заключительной фразе, принадлежащей самому Пушкину. Фраза эта заменила черновую строфу, которая как бы оправдывала Онегина, тщательно ухаживающего за своими ногтями (VI, 233). Строфа эта в окончательный

текст не включена, но смысл ее повторен в примечании: «Грим опередил свой век: ныне во всей просвещенной Европе чистят ногти особенной щеточкой».

В ряде примечаний Пушкин стремится привлечь внимание читателей к особым обстоятельствам его жизни в момент создания первой главы.

Так, примечание «Писано в Бессарабии» к словам «Вреден север для меня» указывало совершенно ясно, что речь идет не о вреде для здоровья, а о других обстоятельствах, повлекших пребывание автора вне Петербурга... Об этих обстоятельствах достаточно прозрачно напоминало и примечание «Писано в Одессе», поскольку отсылка к нему находится в непосредственной близости с вопросом: «Придет ли час моей свободы?».

В этом плане представляет интерес примечание (изъятое впоследствии) к словам VIII строфы первой главы о «науке страсти нежной, которую воспел Назон». Оно выглядит несколько странно, поскольку не подкрепляет, а опровергает слова текста.

Действительно, в стихах Пушкин называет причиной ссылки Овидия его поэму. В примечании же говорит о том, что была другая, таинственная причина (VI, 653). Это примечание написано вовсе не к «Онегину». Еще за три года до того оно должно было сопровождать стихотворение Пушкина «К Овидию». Но стихотворение это вышло (в «Полярной звезде», 1823 г.) без примечания, и Пушкин воспользовался первым случившимся предлогом, чтобы все же опубликовать его, на этот раз в качестве примечания к «Онегину». Зачем?

Отъезд Пушкина из Петербурга породил многочисленные толки о причинах его высылки, не всегда благоприятные для него. Пушкин явно стремился придать большую значительность обстоятельствам, повлекшим его ссылку. То, что местом его ссылки оказалась Бессарабия, создавало аналогию между ним и Овидием. Эту аналогию Пушкин неоднократно подчеркивал и в письмах, и в стихах. Примечание направляло мысль читателя на сходство Пушкина с Овидием не только по месту, но и по причине ссылки, заставляло искать эту причину в стихах и еще в чем-то, о чем следовало молчать.

Таким образом, многие примечания к первой главе носят ярко выраженный личный характер и условно могут быть названы лирическими.

При подготовке романа к полному изданию Пушкин несколько изменил состав и характер примечаний к первой главе. Аналогия автора с Овидием утратила свою актуальность и соответствующее примечание было снято. Было снято также примечание, относившееся к упоминанию в XXVI строфе «Академического Словаря», содержащее похвалу Российской Академии (VI, 653—654).

О причинах изъятия этого примечания можно лишь догадываться. Их нужно, вероятно, искать в обиде поэта на Российскую Академию. В 1824 г. слава Пушкина была еще сравнительно молодой, отсутствие его, да еще опального, среди членов Академии было понятным. Другое дело — в начале 30-х годов. Пушкин достиг громкой известности, слыл первым поэтом России, и то, что Российская Академия «не замечала» его, превозносая в то же время бесталанных поэтов, было оскорбительно. Поэтому Пушкин снял апологетическое по отношению к Академии примечание. В декабре 1832 г. Академия избрала, наконец, Пушкина своим членом, но это не изменило его отношения к Академии. Роман вышел без этого примечания.

Любопытную эволюцию претерпело примечание к словам «Под небом Африки моей». При первом издании оно включало пространный рассказ о Ганнибале. В 1833 г. это примечание стало невозможным. Знаменитый постскриптум к «Моей родословной» («Решил Фиглярин сидя дома...»), а также сама «Родословная» стали известны Николаю и вызвали его неудовольствие. Пушкину было указано, что «для чести пера, а особенно — его ума будет лучше, если он не станет распространять их». В этих усло-

виях примечание Пушкина, излагавшее биографию его прадеда, могло быть воспринято как продолжение запрещенной ему полемики с Булгариным. Пушкину пришлось отказаться от него и ограничиться лишь первой его фразой: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского».

При подготовке второго полного издания «Онегина» (1837) восстановить это примечание в полном объеме Пушкин не считал еще возможным. Вместе с тем совсем отказаться от него и тем самым признать себя побежденным в поединке с Булгариным явно не хотел. И он нашел выход в той третьей редакции 11-го примечания, которую мы знаем сейчас. «См. первое издание „Евгения Онегина“». Желаящие могут найти и узнать все, что хотел сказать автор.

Три изъятых примечания — единственные из всех — были обозначены при их публикации как «примечания сочинителя». Это указывало читателям на их связь с личностью автора. Изъятие их при полном издании романа подтвердило эту связь.

Совершенно иными предстают примечания «второго пласта» (к ним примыкают и некоторые изначальные примечания к 1 главе). В них преобладают примечания-справки: объяснения упомянутых фамилий, переводы иностранных слов, ссылки на источники цитат и т. п. В черновике их было еще больше. Создается впечатление, будто Пушкин возвратился к традиционному, безлично-справочному назначению примечаний.

Однако впечатление это рассеивается при более внимательном анализе состава и характера примечаний.

Обращает на себя внимание явная избирательность в объяснении фамилий. «Евгений Онегин» пестрит именами авторов разных сочинений, но в примечаниях Пушкина получили краткую характеристику только три из них.

Раскрытие произведений, герои которых упоминаются, тоже носит характер скорее исключения, чем правила. Из примерно 30 упомянутых литературных персонажей раскрыты только 10.

Все это заставляет предположить в этих примечаниях-исключениях какой-то подтекст, ради которого они, по-видимому, написаны.

Примечания, содержащие указания на источники цитат и реминисценций, очень редко ограничиваются только ссылкой на источник. В большинстве же случаев примечания этого рода несут дополнительную, а иногда главную нагрузку, используются с определенной целью.

Не могу, однако, согласиться с Ю. Н. Чумаковым⁴ и видеть в примечаниях равноправный и полноценный элемент художественной структуры романа. Против этого говорит, в частности, то, что их создание не синхронно созданию художественного текста — многие примечания отсутствуют в черновых и беловых рукописях, большинство из них отсутствует и при первом печатании глав, а некоторые первоначально предназначались для публикации не в составе романа. Задача их совсем иная. Это своего рода публицистика, своеобразное местоположение которой ослабляло бдительность цензуры, но которая не проходила незамеченной внимательными читателями. Недаром при выходе полного издания романа журналы отмечали: «В нынешнем издании в конце книги поэт прибавил несколько новых примечаний...»⁵.

Если отвлечься от естественной последовательности примечаний, связанной с ходом романа, и попытаться их объединить в некоторые смысловые группы, то тогда четко очерчиваются две группы примечаний — публицистические и литературно-критические.

⁴ Ч у м а к о в Ю. Н. Указ. соч., стр. 32.

⁵ «Московский телеграф», 1833, ч. 50, № 6.

«Евгений Онегин» насыщен литературой. Раздумий о литературе немало в тексте романа и они дополнены рядом примечаний, где под видом беспристрастной справки Пушкин выявляет свое отношение к упоминаемому литературному явлению.

Сетуя на недостаточное знакомство общества с русской поэзией, Пушкин пользуется каждым случаем, чтобы напомнить о тех русских поэтах, которых любил и которые, по его мнению, недостаточно оценены читающей публикой или мало ей известны. Знаменательно, что если иносказательные упоминания Байрона («Гордая лира Альбиона», «Певец Гюльнар», «Певец Гяура и Жуана») вполне могут оставаться и потому и остаются нерасшифрованными, то аналогичные упоминания Баратынского («Певец пиров и грусти томной», «Певец финляндки молодой») или Вяземского («Другой поэт роскошным слогом / Живописал нам первый снег») раскрываются в примечаниях (22, 27, 28-м). Приведа строчку из «Горя от ума», Пушкин сопровождает ее примечанием (38-м) — «стих Грибоедова».

Иногда примечания используются для пародии. Ссылка на источник как способ его пародирования впервые использована Пушкиным в примечании (9-м) к первой главе. В строках

С душою полной сожалений
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пийт ...

явно чувствуется переключка со стихотворением М. Н. Муравьева «Богине Невы»:

В^ьявь богиню благосклонну
Зрит восторженный Пийт,
Что проводит ночь бессонну,
Опершись на гранит.

В примечании Пушкин сослался на это четверостишие. Но вполне серьезно употребленное Муравьевым слово «пийт» к этому времени стало уже архаическим и употреблялось либо в торжественно-одическом контексте, где славянизмы были уместны, либо иронически. В пушкинских строках нет торжественности, и слово «пийт», подсказанное известной уже в литературе рифмой к слову гранит, звучит иронически, переводя пушкинские строки в план пародии.

Другой случай пародийного использования цитаты находим в примечании 34-м. В пятой главе Пушкин употребил строки из оды Ломоносова, не указав их источника. Это было отмечено недоброжелательной критикой. М. А. Дмитриев писал: «Так, кажется, старик (т. е. Ломоносов.— С. Г.) начинает Оду свою на день восшествия на Престол Императрицы Елизаветы»⁶.

При полном издании «Онегина» Пушкин подтвердил эту «догадку» критика и придал соответствующей строфе примечание, в котором признал и заимствование, и пародийность этого заимствования. Высоко ценя заслуги Ломоносова перед русской культурой, Пушкин не признавал за ним поэтического таланта. В данном контексте пародия имеет два острия: она направлена на «высокий штиль» Ломоносова и в мнимую торжественность события — именин Татьяны.

Ироническое отношение Пушкина к журналу «Благонамеренный», просвечивающее в строках третьей главы, усиливается тем «определением» этого журнала, которое дано в примечании (21-м) к этим строкам: «Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым, довольно не-

⁶ «Атеней», 1828, № 4, стр. 88.

исправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикой тем, что он на праздниках гулял». В письмах 20-х годов Пушкин не раз критиковал и высмеивал этот журнал. В начале 30-х годов литературная полемика с «Благонамеренным» утратила свою злободневность, да и недавняя смерть Измайлова не позволила Пушкину в резких тонах отозваться о журнале и его издателе. И он подчеркнул лишь тот его недостаток, который имел сравнительно невинный характер.

По-разному может быть истолковано примечание 8-е, сопровождавшее описание белой ночи в первой главе. В его словах «Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллиях Гнедича» и в длинной (28 строк!) цитате из идиллии Гнедича «Рыбаки» принято видеть свидетельство высокого мнения Пушкина о поэме Гнедича. Можно высказать и иное предположение: при всем уважении к Гнедичу его стихи с их архаической лексикой могли вызвать у Пушкина (может быть, и не до конца осознанное) желание сопоставить поэзию двух веков — уходящую, примером которой было пространное, тяжеловесное, хотя и не лишённое поэтических достоинств, описание белой ночи у Гнедича, и новую, представленную выразительным и вместе с тем немногословным и легким описанием той же ночи у него самого.

В ряде примечаний критические выступления более остры. Так, заключительная фраза 5-го примечания, которого мы касались выше, — «Один из наших романтических писателей находил в них (балетах Дидло. — С. Г.) гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе» — содержит беглую, но достаточно резкую оценку французской литературы. Оценка эта связана с тем, что исходила от писателя романтического, как определил себя сам Пушкин. Во французской литературе мало поэзии потому, что ей чужд романтизм. «Век романтизма не настал еще для Франции», — писал Пушкин в 1824 г. (XIII, 102).

Не углубляясь здесь в пушкинское понимание истинного романтизма, напомним лишь, что, по словам Пушкина, основным признаком романтической поэзии служит «искренний и свободный» ход ее (XI, 67), под «школой романтической» Пушкин понимал «отсутствие всяких правил, но не всякого искусства» (XI, 391). В послании к Родзянко Пушкин назвал романтизм «парнасским афеизмом» (II, 404). Следовательно, обязательное условие романтизма, а с ним и истинной поэзии — это свобода от сковывающих правил классицизма.

С этих позиций, под углом требований свободы от оков классицизма, балеты Дидло, «исполненные живости воображения», поставленные в образах не классического, а характерного танца⁷, отвечали представлению Пушкина о романтизме, т. е. об истинной поэзии. Вот почему, по мнению Пушкина, в них поэзии больше, чем во всей французской литературе.

Большой интерес представляют примечания (14, 18, 19-е), в которых перечисляются книги, герои которых упомянуты в тексте. Они представляют не только справки — названия книг, но в них заключены до предела сжатые характеристики перечисленных книг: романы Ричардсона — «славные»; роман «Матильда» («роман M-me-Cottin») — «посредственный»; повесть «Валерия» («повесть баронессы Крюднер») — «прелестная»; «Мельмот» Мэтьюрина — «гениальное произведение»; «Жан Сбогар» Шарля Нодье — «известный роман». Не все эти определения должны быть восприняты в прямом смысле слова. Так, «Жан Сбогар» в России вряд ли можно было назвать известным романом. Один из плеяды «благородных разбойников», Жан Сбогар, был героем, а с позиций царской цензуры — явно «неблагонадежным». Роман о нем не был переведен на русский язык, и даже достать его в России было нелегко. Своим примечанием Пушкин подчеркивал своеобразие его «известности».

⁷ С л о н и м с к и й Ю. Дидло, Л., 1958.

Лаконичные характеристики, заключенные в примечаниях, позволяют нам в какой-то степени постичь критерии пушкинской оценки современных ему произведений. Легче всего это сделать при сопоставлении его отзывов о романах «Мельмот-Скиталец» и «Матильда». Действительно, почему «Мельмот» — гениальный роман, а «Матильда» — посредственный?

«Матильда» — это остросюжетная повесть с битвами, похищением, бегством, мщением, страстной любовью, преодолевающей все препятствия; не удивительно, что современники Пушкина зачитывались ею. В «Мельмоте» внешней занимательности меньше, хотя и в нем отдельные эпизоды полны драматизма и острых коллизий. Но в нем есть то, чего нет в «Матильде», — стержневая идея. Она заложена в характере лица, проходящего сквозь все образующие роман новеллы, — человека, обреченного на многовековое существование и приносящего всем гибель. При всем неправдоподобии этого персонажа Мельмот воплотил в себе типичные, по мнению Пушкина, черты человека XIX столетия — эгоизм, отсутствие идеалов, скептицизм, озлобленность.

Имя Мельмота было для Пушкина нарицательным. Онегин мог представляться Мельмотом так же, как космополитом, квакером, патриотом, ханжой и т. п. В 1823—1824 гг. Пушкин называл «мельмотическим» характер А. Н. Раевского (XIII, 70).

В известной степени свойственные «мельмотизму» разочарованность и безверие были позой, но в еще большей мере — выстрадавшим мировоззрением, обязанным своим происхождением работе мысли, беспощадной оценке «суетного» мира. В поэзии этот тип наиболее ярко отразился в героях Байрона, в прозе — в образе Мельмота. Не случайно слова «байронический» и «мельмотический» были для Пушкина почти синонимами. Это и делало для Пушкина роман Мэтьюрина «гениальным».

Особую группу среди примечаний представляют примечания полемические, в которых Пушкин отвечал на нападки критиков.

Пушкин обычно не оставлял такие нападки без ответа. «Антикритики», — говорил он, — приносят двойную пользу: «Исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства» (XI, 132). Поэтому как только появилась желчная рецензия М. Дмитриева на четвертую и пятую главы «Онегина»⁸, полная мелочных и, по выражению Пушкина, «странных привязок», Пушкин тотчас написал на нее возражения (XI, 70—72). Но они остались ненапечатанными. И осенью 1830 г. в Болдине, «в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища», Пушкин снова решает дать ответ своим критикам, в том числе и критикам «Онегина» — в первую очередь М. Дмитриеву и Б. М. Федорову⁹.

Он пишет известные заметки, получившие впоследствии общее условное название «Опровержение на критики» (XI, 143—163). В них вошли и некоторые полемические записи 1828 г.

«Опровержение на критики» несомненно предназначалось для печати, вернее всего — в «Литературной газете». Но по возвращении из Болдина предсвадебные заботы отвлекли Пушкина от этого замысла, а когда в 1831 г. он приехал в Петербург, «Литературная газета» уже прекратила свое существование. И тогда, лишенный «своего» печатного органа, Пушкин находит своеобразный способ обнародовать свои возражения критикам — превращает их в примечания к «Евгению Онегину».

В этих примечаниях Пушкин прибег к своеобразному приему полемики: он не возражает своему противнику, а лишь пересказывает его замечания, но делает это таким образом, что выставляет напоказ полное отсутствие художественного чутья и даже более — глупость критика.

⁸ «Атеней», 1828, февраль, № 4, стр. 67—89.

⁹ Статья Федорова появилась в журнале «Санктпетербургский зритель», кн. 1, 1828, стр. 139—167.

К примеру, Дмитриев счел непонятым выражение «Мальчишек радостный народ/Коньками звучно режет лед» и иронически добавил: «В извлечении для смысла: ребятишки катаются на льду». Пушкин снабжает соответствующие строчки романа примечанием (24-м): «„Это значит, — замечает один из наших критиков, — что мальчишки катаются на коньках“». Справедливо.

Дмитриев возражал против употребления высокого образа «дева» в применении к крестьянской девушке. Пушкин в примечании (23-м) как бы только пересказывает мысль Дмитриева. «В журналах удивлялись, — пишет Пушкин, — как можно назвать девою простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы девчонками!» Тем самым поэт обнажает кастовую подоплеку этого якобы литературного замечания.

Этим примечанием Пушкин метил не только в Дмитриева, но и в Федорова, который наряду с другими «низкими» словами осудил слово «девчонки», счел его неудачным, «недостойным Пушкина». Пушкин ответил на это еще одним ироническим примечанием (36-м): «Наши критики, верные почитатели прекрасного пола, сильно осуждали неприличие сего стиха».

Примечание 32-е — это также ответ Федорову, который, не говоря этого прямо, осудил как недостаточно благопристойные несколько строк из сна Татьяны.

Обвинения в неблагопристойности преследовали Пушкина на протяжении его литературной деятельности, начиная с «Руслана и Людмилы». Пушкин возмущался этим, но его неоднократные возражения по этому поводу остались в рукописях. И лишь примечание к соответствующим строкам «Евгения Онегина», написанное в той же манере якобы бесстрастного пересказа выступления критика («Один из наших критиков, кажется, находит в этих стихах непонятную для нас неблагопристойность»), подчеркнуло беспочвенность этих упреков, отражающих не столько непристойность стихов, сколько испорченное воображение критиков.

Не замечание ли Федорова подтолкнуло Пушкина и на озорное примечание (20-е) к строкам XXII строфы третьей главы:

И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда!

Примечание гласит: «„Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate“». Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха». Это также был удар с двойным прицелом. С одной стороны, внимание читателя привлекалось ко второй половине дантова стиха «всяк сюда входящий», которая в контексте онегинской строфы неожиданно приобрела двусмысленный¹⁰ характер, — Пушкин любил рискованные остроты и каламбуры и не мог удержаться от них.

С другой стороны, в ответ на неоднократные обвинения в «неприличных» словах и ситуациях автор подчеркнул свою скромность, но сделал это в тоне легком, непринужденном, показывая тем самым, что серьезного ответа эти обвинения не заслуживают.

Федоров оспаривал возможность разгадывания снов по книге Мартына Задеки. Он писал: «Автор называет его гадателем и толкователем снов. А Мартын Задека был швейцарский старик, который, умирая, оставил весьма известное политическое пророчество и никогда не сочинял сонника». Федоров, очевидно, имел в виду неоднократно издававшуюся в России книжку «Любопытное предсказание шестидесятилетнего слав-

¹⁰ Впервые обратил на это внимание Д. Д. Благой. См. его статью «Данте в сознании и творчестве Пушкина». — В сб. Историко-филологические исследования. М., «Наука», 1967, стр. 241.

ного швейцарского старика Мартына Задеки о взятии Константинополя, столицы Турецкого Султана». Но наряду с ней в России был издан еще ряд книг, в которых Мартын Задека значился именно как предсказатель (гадатель) и толкователь снов¹¹. В некоторых из этих книг имеется раздел «Мартын Задека толкует сновидения», где помещено «Толкование снов по алфавиту», т. е. именно те страницы, которые листает Татьяна.

Мелкое замечание Федорова, к тому же помещенное в сноске, как будто не заслуживало ответа. Однако Пушкин воспользовался им, чтобы уличить своего критика в неосведомленности, лишившей его права выступать с подобными замечаниями. Он сделал это в примечании 33-м все в той же издевательски-бесстрастной манере: «Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров».

Дружное осуждение критики вызвала примененная Пушкиным народная усеченная форма — топ вместо топот и молвь вместо молва. Это называли несоответствием русской грамматике, коверканьем русского языка и т. п.

Однако эти замечания критиков обнаруживали незнание русского просторечья, русских народных сказок. И на всех этапах своих возражений на критику «Евгения Онегина» — и в заметках 1828 г., и в заметках 1830 г., и в примечаниях — Пушкин откликнулся на эти замечания.

В примечании 31-м полемический пыл Пушкина несколько приглушен, оно более академично, чем заметка 1830 г., но основные мысли, высказанные в заметках 1828 и 1830 гг., в нем сохранены.

Приведя примеры из русских сказок и «древних стихотворений», Пушкин закончил свое примечание сентенцией: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».

Судя по черновым рукописям, Пушкин намеревался в примечаниях ответить еще на ряд замечаний критиков, используя полемические замечания 1828 и 1830 гг. Но в окончательный текст примечаний эти возражения не попали. От заметок 1828 и 1830 гг. к черновикам примечаний и даже от черновиков к окончательному их тексту идет строгий отбор полемических выступлений. Отсекаются возражения на частные замечания и на мелочные придирки (за исключением спора о Мартыне Задека), а также споры по вопросам грамматики и стихосложения и сохраняются и усиливаются возражения принципиальные — отстаивающие право поэта на свободу поэтического образа, на широкое использование богатств русского языка, защищающие его от обвинения в неблагопристойности его стихов. Это то самое «распространение здравых понятий касательно искусства», которое он считал «полезным» для литературы.

Среди «антикритических» примечаний к «Евгению Онегину» внимание должно привлечь примечание 17-е: «В прежнем издании вместо *домой летят* было ошибочно напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю». При первых изданиях «Онегина» было допущено немало опечаток. Пушкин тщательно их выписал; публикуя Шестую главу, большинство из них исправил, но ни одна из них не нашла отражения в примечаниях. Почему же для этой было сделано исключение?

Прежде всего — чтобы высмеять критиков, которые, «не разобрав», приняли всерьез то, «что не имело никакого смысла». Но примечание это обрело дополнительную и очень существенную функцию. Она заложена в последней фразе, отсутствовавшей в черновой редакции и возникшей позднее — «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю». Датировка событий «Евгения Онегина» действительно настоль-

¹¹ Среди них можно назвать: «Мартына Задеки шестистилетнего славного швейцарского старика, любопытное предсказание на будущие времена, и толкование им снов по астрономии, происходящих по течению луны ...», М., 1807.

ко точно, что давала основание утверждать, будто «Пушкин сам составил хронологическую канву своего романа»¹². Все исследователи сходятся на том, что конец романа приходится на весну знаменательного 1825 г. В романе присутствует «преддекабрьская атмосфера». И оказался бы Онегин на Сенатской площади, как думают одни исследователи¹³, или правы те, кто отрицает это¹⁴, — так или иначе — упоминания декабризма в романе несомненно предполагались.

Однако при выходе «Евгения Онегина» в свет этих упоминаний в романе не оказалось. Десятая глава была уничтожена, предполагавшаяся восьмая («Странствия») была исключена Пушкиным из романа «по причинам, важным для него, а не для публики». Тем самым четкие приметы декабризма из окончательного текста исчезли. Однако с отсутствием этих примет Пушкин примириться не хотел. Нужно было хоть намеком дать читателю понять, что Пушкин о движении декабристов не забыл. И он сделал это, упомянув тех, кто «далече», замаскировав это упоминание ссылкой на Саади и воспользовавшись поводом, который дало ему 17-е примечание. Утверждая, что в его романе «время расчислено по календарю», Пушкин как бы призвал читателя повторить этот расчет. А расчет неминуемо привел бы к установлению даты заключительной сцены романа — весна 1825 года — года декабрьского восстания.

Ряд примечаний носит публицистический характер — содержит явную или более или менее замаскированную критику светского общества.

Иногда эта критика не злобная, содержащая скорее намеки, чем явные упреки. Таково примечание 12-е «Из первой части „Днепровской русалки“». На первый взгляд это только справка, указание источника арии «Приди в чертог ко мне златой». Но в нем намек на отсталость помещичьих дочек. Имевшая при своем появлении на русской сцене (1802 г.) бурный успех, «Днепровская русалка» с годами устарела. В 1829 г. ее уже называли «Обветшавшей русалкой»¹⁵. Она стала достоянием провинции, и особенно провинциальных барышень, Пушкин не ограничился только строкой в тексте, как он сделал это в «Домике в Коломне», где перечисление того, что читала и пела Параша, указывало на отсталость ее вкусов. Здесь он акцентировал свою мысль примечанием.

Помещики-отцы не культурнее своих дочек, и в примечании 41-м можно усмотреть обвинение помещиков в незнании научных основ сельского хозяйства, изложенных в произведении В. Левшина — «автора многих сочинений по части хозяйственной».

Косвенный упрек в незнакомстве с народными обычаями и песнями звучит в примечаниях 29-м и 30-м, разъясняющих значение народных песен и крещенского гадания.

В примечаниях отразилось и недовольство Пушкина пренебрежительным отношением светского общества к русскому народному языку и русским народным именам.

Так, в примечании 13-м Пушкин сетует, что из литературы и из обихода светского общества исключены исконные русские имена и многие «сладкозвучнейшие» имена «употребляются у нас только между простоплюдинами».

Защита русского народного языка звучит в заключительной фразе 31-го примечания, о чем сказано выше.

¹² И в а н о в-Р а з у м н и к Р. В. «Евгений Онегин». Пушкин. Собрание сочинений под ред. С. А. Венгерова, т. 3, 1909, стр. 210.

¹³ М е й л а х Б. С. «Евгений Онегин». — В кн. История русского романа в двух томах, т. I, М. — Л, Изд-во АН СССР, 1962, стр. 143.

¹⁴ Ю. Г. Оксман, например, утверждал, что «концепция Онегина-декабриста не имеет права на существование» («Вопросы литературы», 1961, № 1, стр. 123—124).

¹⁵ «Московский телеграф», 1829, ч. XXX, стр. 378—385.

В нескольких же примечаниях Пушкин выступает как сатирик. Назвав себя в предисловии к первой главе сатирическим писателем, Пушкин в дальнейшем отказался от трактовки своего романа как сатиры. Тем не менее, по его главам разбросано немало горьких слов по адресу так называемого общества. Эта линия продолжена, а в какой-то мере даже усилена в примечаниях.

В XLII строфе первой главы дана памятная всем характеристика «причудниц большого света». Совершенно несомненно, что Пушкин этими строками сказал именно то, что хотел сказать. Примечание же к этим словам (7-е) как будто опровергает текст: «Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественникам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Людовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любезностью и строгую чистоту нравов с этой восточной прелестью, столь пленившею г-жу Сталь (см. Dix ans d'exil)».

Ссылаясь на Буало, Пушкин, по-видимому, имел в виду его Послание королю 1675 г. (Épître VIII), в котором Буало «укорял» короля за то, что его победы отнимают у поэта право на привычный сатирический стиль и вынуждают его музу к молчанию¹⁶. Это, конечно, «похвала под видом укоризны», ее никак иначе понять нельзя. Уверения же Пушкина, будто его отзыв о светских дамах также «не что иное, как тонкая похвала прекрасным соотечественникам», никого обмануть не могли. Примечание не опровергало комментируемой строфы, а лишь привлекало к ней внимание читателей.

К 30-м годам его сатирические выпады становятся острее и злее. Наибольшей силы они достигают в последних примечаниях. Таково, например, примечание 40-е. При первой публикации шестой главы последняя, XLVII строфа содержала резкую характеристику светского общества. Оно изображено в ней жестокосердым, пустым, состоящим из бездушных гордецов, блистательных глупцов, смешных и скучных злодеев, тупых судей, добровольных холопов и т. п. Известная нам печатная критика шестой главы не содержит упреков Пушкину по поводу этой строфы. Но журналы обратили на нее внимание. В извещении о выходе шестой главы процитировал эту строфу «Московский телеграф»¹⁷, приведена она и в рецензии «Сына отечества»¹⁸. И «Северная пчела» как будто невзначай направила внимание читателей (или властей?) на эту строфу¹⁹.

Из-за этих ли намеков или не известных нам, однако достаточно категорических указаний, но Пушкину пришлось изъять эту строфу из основного текста. И тогда он прибег к уловке, которая донесла все же строфу до читателя: он перенес ее в примечание. Таким образом, несколько ослабленная своим расположением (ведь примечания читают не все!), эта бичующая инвектива все же делала свое дело.

Иногда выпады против представителей света получали в примечаниях конкретный адрес. Так, примечание (43-е) к строкам «И версты, тепа праздный взор, В глазах мелькают, как забор», служащее как бы ссылкой на источник сравнения, на самом деле указывает на «игривость воображения», т. е. попросту на лживость, свойственную одному из представителей светского общества, — по-видимому, князю Цицианову, этому Мюнхгаузону петербургских гостиных.

В восьмой главе, как показывают черновые рукописи, Пушкин первоначально давал очень резкую оценку светскому обществу. В процессе подготовки главы к печати эта оценка была смягчена, но то, что поэт не смог сказать в тексте, он вложил в примечания. Это видно хотя бы из последнего (44-го) примечания. Оно сопровождает употребленное в VI строфе восьмой главы слово «раут» («И ныне музу я впервые на светский

¹⁶ Oeuvres complètes de Boileau-Despreaux. Paris, 1819, t. I, p. 267—270.

¹⁷ «Московский телеграф», 1828, ч. 20, № 5.

¹⁸ «Сын отечества», 1828, ч. 118, № 7.

¹⁹ «Северная пчела», 1828, № 41.

раут привожу»). Не ограничившись переводом английского слова в том смысле, в каком оно употреблено в тексте, — «вечернее собрание без танцев» — и в каком оно было принято в литературе и в разговорной речи в начале XIX в., он без видимой необходимости дополняет его более ранним и более распространенным значением этого слова: «...собственно значит толпа». В английском языке это слово имеет весьма нелестный оттенок — сброд, буйная, шумная, не заслуживающая уважения толпа²⁰. Тем самым Пушкин недвусмысленно давал понять, что так называемое светское общество, считающее себя избранным, стоящим выше толпы, на самом деле само представляет собой толпу, сброд.

Как видим, авторские примечания к «Евгению Онегину» содержат большой функциональный заряд.

Первоначальные примечания к первой главе («первый пласт») — это своеобразные а parte, доверительные реплики читателям, напоминающие об авторе, его личности и привлекающие внимание к его печальной судьбе. Последующие же примечания («второй пласт») в их значительном большинстве представляют публицистические высказывания. Под видом невинных справок они либо привлекают внимание читателя к отдельным строкам и скрытому в них содержанию, либо развивают или подчеркивают мысль, лаконично высказанную в тексте, либо, наконец, говорят то, чего в тексте сказать было нельзя.

---

²⁰ The Oxford English Dictionary, vol. III. Oxford 1973, p. 837. См. также S. J o n s o n. Dictionary of the English Language. London, 1819, p. 545.

---

*Известия
Академии наук СССР*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

**серия
литературы
и языка**

ТОМ 33

1974

